

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.6
EDN: WEFLUQ

Интерсекциональный подход к изучению неравенства: групповой научно-образовательный проект

Ссылка для цитирования:

Жесько Э.М., Петрухин Л.Н. Интерсекциональный подход к изучению неравенства: групповой научно-образовательный проект // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 113–128. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.6> EDN: WEFLUQ

For citation:

Zhesko E.M., Petrukhin L.N. (2024) Intersectional Approach in Social Inequality Research: Group Project. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 2. P. 113–128. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.6>

Жесько Элла Михайловна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-mail: ezhesko@hse.ru

Петрухин Леонид Николаевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-mail: petruhinleonid@gmail.com

Настоящая статья содержит результаты научно-образовательного проекта, направленного на тестирование возможностей интерсекционального подхода для описания матрицы социального неравенства в российском контексте. На основе анализа индивидуализированных нарративов информантов, принадлежащих к потенциально дискриминируемым группам, авторы предприняли попытку отследить взаимовлияние разнонаправленных векторов социального неравенства, которые предопределили их жизненный путь. В результате эмпирического апробирования данного подхода были обозначены границы применимости интерсекционального анализа, указаны

его методологические достоинства и недостатки, осуществлена рефлексия опыта применения концепции, а также даны некоторые рекомендации по дальнейшему развитию подобных образовательных проектов.

Сопоставляя результаты работы всех участников группового проекта¹, авторы пришли к выводу, что картина сложного переплетения механизмов социальной иерархии применительно к рассмотренным индивидуальным случаям зачастую может быть представлена как «оплетение» ключевого параметра дискриминации рядом второстепенных, что создавало сложный, углубленный в контекст конкретной социальной ситуации, индивидуализированный механизм стратификации.

Данный проект осуществлялся коллективом студентов по инициативе профессора Елены Юрьевны Рождественской в рамках курса «Биографический метод в социологии» по магистерской программе «Комплексный социальный анализ» НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: интерсекциональный подход; научно-образовательный проект; ОВЗ; третий возраст; гендерная идентичность; религиозная идентичность.

Интерсекциональный подход к исследованию социального неравенства

Интерсекциональный подход в общественных науках возник во второй половине 1980-х в процессе критики доминировавших в научном дискурсе функционалистских взглядов на общество, редуцировавших социальную жизнь до взаимодействия устойчивых унифицированных факторов [Гаврилюк, 2018]. Исходившая, главным образом, от феминистских авторов, критика касалась проблематичности подобных допущений при анализе социального неравенства. Перспективность внесения дополнительных измерений социальной стратификации была продемонстрирована на примере роли гендерной компоненты при определении доступности некоторых профессиональных позиций [Murgatroyd, 1982]. Гендер как ключевое основание для критики традиционной системы социальной стратификации был избран интерсекциональными исследователями вследствие необоснованной на их взгляд фокусировки этого подхода на мужчинах-главах домохозяйств и при этом игнорировании роли неоплачиваемого домашнего труда женщин и, соответственно, их вклада в неформальную экономику, а также их ограниченных возможностей для трудоустройства [Stanworth, 1984].

¹ Авторы используют материалы всех участников коллективного проекта, как первичные тексты проведенных интервью, так и аналитические записки, написанные отдельными участниками. Участники проекта — студенты 2 курса магистратуры НИУ ВШЭ: Леонид Петрухин, Анастасия Смирнова, Дмитрий Резников, Акиф Гаджиев, Татьяна Даутова, Данила Иванов, Полина Крапчатова, Анна Гребенкина, Дмитрий Подгорный, Кира Легут, Элла Жесько, Ксения Дукельская, Александра Машковская, Эстер Борисса, Тамара Мхитарян, Дмитрий Потапов, Марфа Фирсуткина, Кристина Хылпус.

В более поздних работах теории интерсекционального подхода расширили фокус факторов социальной дискриминации и вывели их за пределы гендерной принадлежности. В качестве основных характеристик, влияющих на социальный статус, стали рассматриваться раса [Crenshaw, 1991; Hogan, 2001], класс [Choo, 2010], возраст [Harnois, 2014] и сексуальность [Valocchi, 2005]. Главная черта, которая отличает последователей интерсекционального подхода, заключается в отказе от утверждения одного единого фактора как основания всей системы социального неравенства и указании на сложную взаимосвязь социальных характеристик, лежащих в основе “матрицы” угнетения. Идея интерсекциональности состоит в том, что факторы социальной дискриминации воздействуют не изолированно, но взаимно усиливают друг друга в точках пересечения, создавая особый «узор», специфический для каждой социальной позиции с учетом ее контекстуальных особенностей [Темкина, Здравомыслова, 2017]. Тем не менее, несмотря на этот теоретический постулат, перед интерсекциональным анализом на протяжении всей истории его существования по-прежнему остается неотвеченным вопрос: можно ли считать одно из оснований угнетения определяющим социальное положение индивида [Cho, 2013].

Таким образом, в генезисе интерсекционального подхода закрепился ряд характерных черт. Во-первых, это критическое отношение, часто феминистического толка, к доминирующим парадигмам изучения социального неравенства. Во-вторых, приоритет отношений власти при изучении проблемы неравенства. В-третьих, зачастую интерсекциональные исследователи во главу угла ставят гендер как одно из важных оснований социальной стратификации, хотя и предпринимаются попытки связать разные векторы дискриминации между собой [Harnois, 2014].

Применение интерсекционального подхода

Интерсекциональный подход предполагает описание социальной позиции индивида или группы индивидов как состояния на пересечении нескольких осей властных отношений. При этом исследовательская задача состоит в том, чтобы вскрыть комплексный механизм формирования социальной позиции в стратификационной системе и обнажить разносторонние социальные векторы, одновременное действие которых в каждой конкретной ситуации определяет положение группы в пространстве власти и угнетения [Темкина, Здравомыслова, 2017]. Можно выделить три направления приложения интерсекционального подхода: к группе, процессу, к социальной системе [Choo, 2010]. В первом, интракатегориальном [McCall, 2005], случае исследователи выбирают определенную депривированную группу, например, не-белые женщины [Esnard, 2018], мигранты [Рочева, 2014; Mountz, 2022] или не-гетеросексуальные люди [Valocchi, 2005], артикулируют их проблемы, чтобы затем определить возможные мотивы политического действия, которое может быть направлено на улучшение жизненных условий данной группы.

Процессно-ориентированный подход сфокусирован на том, каким образом разные векторы дискриминации, взаимодействуя, вносят свой вклад в формирование социального статуса [McCall, 2005]. Авторы этого направления отходят от категорий идентичности и статусов, сосредотачиваясь на «интеркатегориальности» как процессе взаимовлияния векторов дискриминации [Choo, 2010]. В рамках этого подхода исследуются процессы социального конструирования неравенства, как попытка ответить на вопрос о том, как гендер, раса, возраст и другие характеристики, определяют положение группы в системе социальной стратификации [Castiello, 2013].

Наконец, исследователи, придерживающиеся системного подхода, фокусируются не на разрозненных проявлениях неравенства (в сфере труда, образования и др.), а рассматривают отношения, основанные на гендере, классе и расе, как ядро, воспроизводящее капиталистическую экономику, определяющее режимы занятости и экономическую стратификацию [Peterson, 2005]. Векторы дискриминации изначально интегрированы в социальную систему и диктуют формирование социальных институтов в том виде, в котором они существуют в каждый конкретный момент, что указывает на невозможность рассмотрения векторов дискриминации изолированно [Choo, 2010].

Вне зависимости от направления, эвристика интерсекционального анализа заключается в критике одномерного подхода к неравенству и привнесение дополнительных измерений социальной стратификации. Предлагаемые варианты, тем не менее, не лишены недостатков. Сосредоточенность на исследовании единичных случаев, характерная для интро- и интеркатегориальных подходов, не способствует формированию согласованной модели, связывающей множество оснований неравенства в теорию, описывающую воспроизводство системы социальной стратификации. В то же время системный подход, ориентированный на более комплексный взгляд на вклад интерсекциональных компонент в социальное неравенство, делает принципиально неразделимыми основания дискриминации и сформированную ими систему социальной стратификации, что снижает аналитический потенциал подхода.

Помещение проблемы неравенства в центр исследовательского интереса, с одной стороны, наделяет интерсекциональный подход своеобразием, с другой — вызывает ряд трудностей для эмпирической реализации концепции. Выход в поле сопряжен с двумя ключевыми опасностями. С одной стороны, прямое обращение к информантам с просьбой описать свой опыт дискриминации неэтично и требует определенной рефлексии со стороны информанта, поскольку далеко не все представители изучаемых групп осознают депривацию, с которой сталкиваются в повседневности. Попытки исследователя приблизиться к сюжетам дискриминации на этапе интервью могут быть поняты как наведение на одобряемый ответ, а попытки обнаружить «между строк» необходимые маркеры после интервью — как додумывание. С другой стороны, необходимая операционализация дискриминации для каждой конкретной исследуемой группы формирует у исследователя определенные ожидания от информанта, что не только не освобождает от наведения, но и ограничивает

внимание к вариантам дискриминации вне заданной на этапе разработки инструментария рамки.

Дискриминация, поскольку она вплетена в ткань повседневности, заметна только теоретически подкованному критическому взгляду. Во многом представление о дискриминированном положении группы — результат проведения работы по сопоставлению повседневного опыта разных групп и рефлексии. В любом случае слишком оптимистично ожидать критического осознания своего угнетенного положения от представителей потенциально дискриминируемых групп, которое бы достаточно явно и недвусмысленно постулировалось в структурированном исследовательском интервью. Получается, что понятие дискриминации представляет сложность, потому что его эмпирическая проверка ограничена способностью информанта к рефлексии, равно как и рассуждение о проблематичности угнетенного состояния с привлечением эмпирического материала. Тем не менее, исследовательская практика демонстрирует [Рочева, 2014; Тартаковская, 2015], что, при всех обозначенных сложностях, успешное эмпирическое исследование опыта дискриминации осуществимо.

Итак, в качестве наиболее продуктивного направления интерсекционального анализа видится гендерное неравенство, поскольку это один из первичных аспектов в процессе развития подхода, а также экономическое неравенство как следствие воздействия множества дискриминирующих факторов. Уместен фокус на случаях дискриминации в сфере образования и труда, поскольку эти аспекты влияют на положение индивида или группы в системе экономической стратификации наиболее явно. Одним из важнейших вопросов остается соотношение факторов дискриминации: и если в рассматриваемом случае мы наблюдаем наличие лишь одного доминирующего фактора дискриминации, свидетельствует ли это о неприменимости интерсекционального подхода?

Возможности подхода для определения «узора» векторов дискриминации

Интерсекциональный анализ представляет собой не только теоретический подход, созданный для изучения многослойных механизмов социальной стратификации, но и инструмент политического действия. Одна из целей теоретиков интерсекционального анализа — предложить альтернативный язык описания социальной стратификации для того, чтобы эффективнее бороться с существующей системой угнетения. Исследователи, принадлежащие к интерсекциональному направлению, открыто признают свою публичную ангажированность и политизированность целей [Темкина, Здравомыслова, 2017].

Одновременно с призывами к политическому действию, последователи интерсекционального подхода не только описывают основополагающие факторы угнетения, но и расширяют перечень учитываемых параметров, в результате чего возникает эффект «эт-сетера», когда список факторов угнетения заканчивается фразой «и так далее», отсылая к потенциальной возможности

существования параметра, еще не учтенного исследователем, который, тем не менее, может оказывать влияние на поддержание неравенства [Butler, 1990]. По мнению Юваль-Дэвис, экспансия интерсекционального анализа оказывается оправданной, поскольку предоставляет возможность контекстуального изучения механизмов неравного распределения ресурсов, характерных для данной культурной среды или ситуации [Yuval-Davis, 2011].

На примерах, приведенных эмпирической части данной статьи, в качестве оснований дискриминации авторами был рассмотрен возраст, этничность, религиозная идентичность и телесность. Приведенные примеры объединяет не только тематическая направленность, но и схожесть проблем, с которыми столкнулись информанты.

Подготовка данного текста проходила поэтапно. Коллектив авторов разделился на семь групп, каждая из которых выбрала эмпирический объект, разработала инструментарий и провела полуструктурированное интервью с одним или двумя информантами. По результатам анализа эмпирического материала каждая подгруппа представила текстовый отчет, содержащий попытку интерпретации эмпирического материала в логике интерсекционального подхода. На втором этапе тексты были переданы Э. Жесько и Л. Петрухину для отбора и компоновки полученного материала в целостную работу и создания предваряющих и резюмирующих комментариев, в результате чего была подготовлена данная публикация.

На примере изложенных далее случаев мы демонстрируем возможную многомерность оснований дискриминации, при этом гендер как фактор во всех случаях играл не первостепенную, но существенную роль, хотя и уступал по своему влиянию таким параметрам как религия, этничность, труд и возраст.

Опыт девушек мусульманок, получающих высшее образование

Проведенные интервью описывают опыт двух мусульманок: Д., выросшей в мусульманской среде, и М., пришедшей к исламу после замужества. Д. — татарка, проживающая в Набережных Челнах. Ей 24 года, она замужем. Преподает иностранный язык и заочно обучается в магистратуре. М. проживает в Москве. Ей 29 лет, она также замужем. Работает на административной должности в одном из московских ВУЗов и там же обучается в магистратуре. Подбор информанток осуществлен так, чтобы главным фактором, дифференцирующим их опыт, была глубина и длительность погружения в религиозную среду.

Данный подпроект представлял собой попытку описать, каким образом секулярные и сакральные ценности, имеющие конфронтующую природу, адаптируются девушками-мусульманками, получающими высшее образование; каковы факторы дискриминации, которые испытывают девушки, в том числе в стенах университета.

Наиболее заметным проявлением религиозной дискриминации, с которым сталкивались информантки, была неприспособленность инфраструктуры под

нужды мусульманских ритуалов, при этом гендерная специфика состояла в напряжении между ожиданиями от женщин в секулярном обществе и религиозных предписаний.

Анализируя данный случай, наша коллега отмечала, что в опыте информантки можно выделить структурный и социальный типы дискриминации. Первый состоит в отсутствии молельной комнаты в университете, что препятствует комфортному сочетанию религиозной, профессиональной и академической видов деятельности. Для совершения намаза информантка вынуждена пользоваться общественным гардеробом.

Относительно социального типа дискриминации исследовательница отмечала, что восприятие факторов дискриминации респондентка описывала как сложную картину, которую можно интерпретировать как совмещенное действие гендерно окрашенных религиозных предписаний и социальных ожиданий секулярного общества относительно поведения женщин:

«Эти люди называли меня монашкой... она просто взяла и начала меня проклинать на ровном месте, хотя я в первый раз вижу эту женщину» (М., 24 года).

Также информантка в качестве вербального проявления дискриминации отмечала такие неэтичные вопросы окружающих как:

«А почему вы носите платок? А вы в душе тоже в нем? Как купаетесь? А по дому тоже так ходите?» (М., 24 года).

В случае информантки-мусульманки Д. на перечисленные параметры дискриминации наложился вектор этничности. Поскольку ее этническое окружение в большинстве своем не исповедует ислам, то она оказалась более чувствительной к дискриминации, «возникшей» уже после принятия ею ислама. По сравнению с предыдущей информанткой она чаще отмечала вербальные проявления дискриминации в свой адрес со стороны ближайшего социального окружения (родственников, однокурсников в университете, преподавателей и незнакомцев в метро):

«Мне звонила тётя и говорит: вот, зачем ты так в платке начала ходить, ты же на Лубянке постоянно. Был же теракт какое-то время назад, тебя там будут останавливать» (Д., 29 лет)

«Есть одна девочка... Она сама тоже верующая, она христианка. Она мне как-то сказала: ой, у тебя такие глаза красивые, и вообще ты так хорошо выглядишь, хотя и мусульманка» (Д., 29 лет).

В российском контексте ключевыми для определения положения в системе социальной стратификации выступает пересечение факторов гендера, класса и этничности [Богданова, Бредникова, 2012]. В случае М. и Д. для

определения положения в социальной иерархии наибольшее значение имеет пересечение гендерного и религиозного статуса, что входит в конфликт с ожиданиями секулярного общества и выражается в инфраструктурных барьерах при повседневных ситуациях взаимодействия респонденток. Как показала на французском примере Жюльет Ренн [Rennes, 2012] религиозная дискриминация (например, негативное отношение к хиджабу) оказывается продуктом не только религиозной, но и гендерной, этнической и политической дискриминации по отношению к мигрантам.

Ситуация интернализации дискриминации при перемещении в иную культурную среду

Фокусируясь на механизме дискриминации при пересечении векторов этнического, религиозного, гендерного и трудового статуса, наши коллеги анализировали опыт двух мигрантов из стран с мусульманской культурой. Г. — первая информантка — сорокапятилетняя уроженка Узбекистана, приехала в Москву в 2014 г., работает домработницей. Второй информант, Ю., уроженец Афганистана, ему пятьдесят четыре года, он работает в университете на инженерной должности.

Ожидая обнаружить субъективное восприятие ситуации как дискриминирующей, вместо этого в данном случае исследователи столкнулись с ситуацией интернализации возможной дискриминации со стороны этнического большинства. Предшествующий религиозный и гендерный статус респондентов во многом предопределил их повседневность: труд, домашнюю работу, распределение ролей в семье. Толчком для возникновения ощущения «дискриминированного» для информантов стала смена культурного контекста, вызванная миграцией. В результате произошло несколько иное: с одной стороны, дистанцирование от наиболее неудобных форм исходной культуры и, с другой стороны, интеграция с наиболее приемлемыми нормами принимающей культуры.

Оба информанта придерживаются традиционной для исходной культуры гендерно окрашенной модели семейных отношений. Круги общения супругов не пересекаются, при этом семьи, в основном, общаются с мигрантским окружением из своей культуры исхода:

«У женщин свой круг, в общем. У нас, не знаю, так принято — или как сказать? — но женщины обычно с женщинами общаются. Из афганских семей, которые с женами, детьми...» (Ю., 54 года)

«Очень много [друзей] было, когда я сиделкой была. Сейчас мой муж... он меня как бы перегородил [ограничил от общения с друзьями]» (Г., 45 лет).

При общем следовании традиционной модели семьи, характерной для исходной культуры, информанты избирательно критикуют эту модель, оценивая ее уже с позиции норм новой среды там, где им это удобно:

«У нас ведь [в Афганистане] так и принято: мужчина сказал — значит, все. Это тупизм, я считаю. Вот это “я мужчина, а ты сиди молча” — это в Афганистане очень распространено» (Ю., 54 года)

«Такого, что женщина обязательно это делает, а я мужчина обязательно то делаю — у нас [в семье] такого, слава Богу, нет» (Ю., 54 года).

Нормы исходной культуры в новом контексте принимаются или отвергаются ситуативно. Результатом становится специфическая идентичность мигрантов, которая черпает из обеих культур наиболее оправданные с точки зрения прагматики повседневной жизни практики и мнения, а неудобные и усложняющие жизнь определяет как дискриминирующие. Таким образом, восприятие существующей в традиционных культурах гендерной дискриминации обостряется новыми условиями среды (этнической, правовой, культурной дискриминацией принимающей страны [Rennes, 2012]) и формирует специфическую форму восприятия своего статуса, которая совмещает оценку с точки зрения норм исходной и принимающей культуры.

Возраст, гендер, труд: проблема актуализации своей идентичности в третьем возрасте

На этом кейсе исследователи ставили цель изучить способы совмещенного воздействия гендерного, возрастного и трудового измерений статуса на восприятие себя с точки зрения дискриминации, поскольку в российском контексте статусы «старика» и «пенсионера» имеют негативные коннотации [Рогозин, 2012].

В основу анализа было положено интервью с Н., работающей пенсионеркой 63 лет. При описании своего опыта информантка настаивала на неприятии себя с точки зрения медиализированного возраста старости [Смолькин, 2007] и утверждала, что субъективное восприятие своего возраста важнее телесных проявлений старения и нормативно установленных рамок «старости»:

«Мне вот 63 года. А я в душе — как будто мне 45» (Н., 63 года).

По словам авторов этого подпроекта, информантка хоть и упоминала отдельные возрастные проблемы (например, больную ногу), но не артикулировала эту проблему, как значимую.

При анализе этого кейса исследователи заключили, что в данном случае происходит использование дискурсивных и телесных практик «управления» возрастом и гендерной идентичностью. Информантка дистанцировалась от своего возрастного статуса посредством тактики «либерализации от старения» [Максимова, 2020] на дискурсивном и практическом уровнях, при этом она старалась сохранять свою феминную идентичность.

Фиксировалось, что дистанцирование от нормативного представления о старости происходит обычно как избегание двух ключевых социальных маркеров статуса старости: нетрудоспособности и бесполости [Shadrina, 2022] и вербализация значимости трудовой занятости. В данном случае информантка продолжает работать и ведет активный образ жизни. Ответом на «бесполость» старости в ее случае является позиционирование себя как женщины даже в условиях, когда среда не поддерживает демонстрацию феминности. В описании своего опыта информантка пыталась вербально нейтрализовать маскулинный образ своего увлечения рыбалкой и подчеркивала свою женскую идентичность (напр., тяга к ювелирным украшениям, ношение сережек и т.д.).

Исследователи пришли к заключению, что в жизненном опыте информантки преобладают индивидуальные компенсаторные практики, которые направлены на преодоление стигматизации человека пожилого возраста.

Авторы отмечают, что Н. своими практиками осознанно или неосознанно дает ответ стереотипам старения и феминности. Она скорее придерживается тактики либерализации от старения. Такая линия поведения может быть ответом на общепринятые стереотипы, но, в то же время, может рассматриваться и как переопределение стигмы пожилого возраста. Этот индивидуальный опыт соответствует типичным российским сценариям гендерно-возрастного социального контракта: «женщина-добытчица и опекунша», считают исследователи.

Дистанцирование от дискурса медиализации старости происходит посредством противопоставления своей политики стандартным атрибутам старения: «нетрудоспособности» и «бесполости» и сохранения нормативных представлений о женственности, не свойственным ее возрасту [Низамова, 2016].

Ограничения и применимость интерсекционального подхода

Переходя к обобщениям, необходимо отметить, что несмотря на то, что все участники проекта выбирали объект, учитывая важность гендера при интерсекциональном анализе, в некоторых работах вклад гендерной компоненты в социальное положение информантов оказался незначительным. Из семи проектов только три, которые были представлены выше, отражали принципы многовекторной дискриминации, в остальных случаях отчетливо доминировало только одно основание. В данном разделе изложим предположения о причинах ограниченной применимости интерсекционального подхода к отдельным кейсам.

Три из четырех проектов, наименее показательных с точки зрения интерсекционального подхода, посвящены исследованию взаимодействия гендера и нетипичной телесности. Это были кейсы, ориентированные на изучение: 1) особенностей гендерной идентичности у мужчин-инвалидов (на материале интервью с сорокасемилетним мужчиной с ДЦП, который проживает в нестольном городе); 2) значимость женственности для человека с ограниченными возможностями (на материале интервью с двадцатисемилетней девушкой

с ОВЗ, которая проживает в не столичном городе и ведет популярный видеоблог о макияже); 3) воспроизводство маскулинности при описании опыта переживания депрессии (на материале интервью с девятнадцатилетним мужчиной, на момент интервью в течение 10 месяцев жил с диагностированной эндогенной депрессией).

Во всех трех случаях возникало напряжение при попытках объединения гендерного основания дискриминации и телесности. В отличие от изложенного выше примера со старением, медиализация дискурса о телесности вытеснила гендерные различия, информанты часто говорили о гендерной неразличимости женского и мужского опыта в случае нетипичной телесности. По их мнению, это связано с негативным влиянием инфраструктурной компоненты — неприспособленности среды к потребностям людей с ОВЗ. Хотя и есть основания подозревать наличие гендерной компоненты дискриминации, но медиализированная оптика не позволяла информантам рассуждать о других аспектах неравенства.

Замкнутость на медицинской интерпретации состояния своего тела ставит информантов в ситуацию противостояния диагнозу, что отодвигает на задний план восприятие гендерных, экономических и других оснований угнетения. В результате информанты предъявляют исследователям героическую я-концепцию или, напротив, подчиняются медиализирующему дискурсу, но в любом случае исключают из поля зрения иные параметры угнетения.

Основные результаты работы над проектом и рекомендации по его развитию

Предваряя заключение, следует сказать об основных результатах научно-образовательного проекта. Среди основных причин недостаточно позитивного результата апробирования теоретического подхода в процессе нашего проекта лежит ряд недочетов организационного характера, несоответствие выбранных методов своеобразию интерсекционного подхода и недостаточно внимательный отбор целевых групп для проведения полевого этапа.

Приведенные эмпирические иллюстрации демонстрируют потребность в более детальной артикуляции возможностей и ограничений интерсекционного подхода при выборе эмпирического материала: без четкого понимания того, как определять векторы дискриминации, в большинстве случаев не удастся найти достаточно убедительные аргументы для подтверждения тезиса об интерсекциональности. Не каждый случай обращения к представителям потенциально дискриминируемой группы позволяет получить информацию, достаточно релевантную для цели исследования, поэтому необходимо при определении эмпирического объекта использовать опыт предшествующих исследователей. С другой стороны, поскольку опыт дискриминации не всегда осознается информантами, нужно быть готовым к тому, что придется предпринять многократные выходы в поле, для того, чтобы добиться достаточного насыщения эмпирического материала.

В нашем случае следовало больше внимания обратить и на специфику структурированного интервью как основного метода. Поскольку формат интервью предполагает предъявление исследователю своей я-концепции, где «я» представлено обычно в наилучшем свете, то извлечение из нарратива опыта дискриминации достаточно затруднено. В большинстве случаев исследователям не удавалось сфокусировать беседу на теме дискриминации, а где это все же получилось, опыт дискриминации был интегрирован информантами в «героическую» я-концепцию. В качестве решения на будущее предлагается либо метод более углубленной беседы, например, с применением метода биографического интервью, либо более сфокусированная техника с использованием дополнительных инструментов, например, виньеток. Хотя специфика структурированного интервью и сыграла свою негативную роль в процессе изучения интерсекциональности, это не единственное негативное следствие проекта. Существуют научные работы, где авторам удалось обнаружить и раскрыть действие матрицы дискриминации, опираясь на материалы интервью с представителями угнетенных групп [Рочева, 2014; Тартаковская, 2015]. Тем не менее приведенные примеры могут служить не только содержательным результатом проекта, но и иллюстрацией возможных ограничений интерсекционального подхода.

В связи с описанными сложностями при эмпирической реализации проекта представляется необходимым и возможным сформулировать несколько рекомендаций по проведению аналогичных научно-образовательных проектов в будущем.

- группе участников проекта следует выбирать один эмпирический объект, при этом каждая подгруппа участников может формулировать свой исследовательский вопрос;
- требуется обоснование применимости интерсекционального подхода к исследованию выбранного эмпирического объекта на базе доступной литературы и статистических материалов;
- перед выходом в поле будет полезно согласование социально-демографических характеристик потенциальных информантов;
- унификации требует и инструментарий, что упрощает сопоставление полученных данных.

Усиление координации участников образовательного проекта упростит подготовку финального отчета в формате статьи и позволит, помимо перечисления результатов работы каждой группы, сделать более глубокие выводы, опираясь на многомерный взгляд на объект исследования.

Заключение

Последователи интерсекционального анализа критикуют традиционные подходы к пониманию социальной иерархии на основании того, что, имея в качестве основы своего концептуального аппарата ряд фиксированных категорий (гендер, класс, этничность и проч.), они не способны в полной мере ухватить многомерную систему отношений доминирования и подчинения.

Сторонники этого подхода используют при этом критерий контекстуальности. Контекстуальность интерсекционального подхода видится одновременно и его ограничением, поскольку не позволяет построить универсальную схему взаимодействия факторов дискриминации, и его достоинством, поскольку значителен аналитический потенциал его сфокусированности, узкой направленности, если эмпирический объект был выбран удачно.

Успешным результатом всего проекта стала возможность уловить сложный рисунок переплетения оснований для дискриминации, в которых гендерное основание чаще всего имело не первостепенное, но все же существенное значение. Исследователи показали панораму, в которой ключевое основание неравенства (религия, этничность или возраст) дополнялось, усиливалось и корректировалось второстепенными — гендером, видом трудовой деятельности, семейной ролью и другими. Большинство информантов все же ощущают дискомфорт по одному из автономно действующих оснований дискриминации, но представляется возможным вычленение и других векторов при более внимательном рассмотрении предъявляемой информантами я-концепции.

В качестве образовательного проекта подобный формат коллективного полевого исследования видится продуктивным. Несомненно, необходима обширная доработка формата и концепции проекта, однако повторение и развитие подобного опыта может способствовать развитию у студентов навыков работы в коллективе, ведения научной коммуникации с коллегами при разработке проекта. Также проект может быть полезен как возможность получить опыт подготовки публикации в научном журнале. С учетом обозначенных преимуществ и тонких мест можно считать первый опыт данного научно-образовательного проекта вполне успешным, главным образом, в методологическом плане.

Литература/References

- Богданова Е., Бредникова О. Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни. СПб.: Алетейя, 2012. EDN: [SUGXEN](#)
- Bogdanova E., Brednikova O. (2012) *Vdali ot gorodov. Zhizn postsovetsoj derevni* [Far from Cities. Life of a Post-Soviet Village]. St. Petersburg: Aletejya. (In Russ.)
- Гаврилюк Т. В., Бочаров В. Ю. Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 3. С. 537–545. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545> EDN: [YBKHNB](#)
- Gavrilyuk T.V., Bocharov V. Yu. (2018) Intersectionality as a Way of Conceptualizing Gender and Class Inequality. *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 16. No. 3. P. 537–545. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545>
- Максимова О. Старость или «третий возраст»? Дискурсы субъективного восприятия индивидами собственных возрастных изменений // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 2. С. 22–44. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44> EDN: [WRLVSK](#)
- Maksimova O. (2020) Old Age or “Third Age”? Discourses of Individuals’ Subjective Perceptions of Their Own Age-Related Changes. *Laboratorium: zhurnal socialnyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. No. 2. P. 22–44. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44>
- Низамова А. Н. Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 569–582. EDN: [XHFLWL](#)

Nizamova A. N. (2016) Active Ageing and Outward Appearance: How Do Theoretical Conceptions Affect Self-Perception in Old Age? *Zhurnal issledovaniy socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 14. No. 4. P. 569–582. (In Russ.)

Розозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93. EDN: PUQRSD

Rogozin D. M. (2012) Liberalization of Aging, or Labor, Knowledge and Health in Old Age. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4. P. 62–93. (In Russ.)

Рочева А. Л. «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 367–380. EDN: TMZWQF

Rocheva A. L. (2014) "A Swarm of Migrants in our Maternity Clinics!": The Study of Stratified Reproduction Regime in the Case of Kyrgyz Migrants in Moscow. *Zhurnal issledovaniy socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 12. No. 3. P. 367–380. (In Russ.)

Смолькин А. А. Медицинский дискурс в конструировании образа старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 2. С. 134–141. EDN: LDGYFP

Smolkin A. A. (2007) Medical Discourse in the Construction of the Old Age Image. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 10. No. 2. P. 134–141. (In Russ.)

Тартаковская И. Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84–93. EDN: TUHQVL

Tartakovskaya I. N. (2015) The Gender Order Reproduction Via Career Strategies: Intersectional Analyses. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5. P. 84–93. (In Russ.)

Темкина А. А., Здравомыслова Е. А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 5. С. 15–38. EDN: ZVMKER

Temkina A. A., Zdravomyslova E. A. (2017) Intersectional Turn in Gender Studies. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 20. No. 5. P. 15–38. (In Russ.)

Butler J. (1990) *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. London: Routledge.

Cho S., Crenshaw K. W., McCall L. (2013) Toward a Field of Intersectionality Studies: Theory, Applications, and Praxis. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 38. No. 4. P. 785–810. DOI: <https://doi.org/10.1086/669608>

Choo H. Y., Ferree M. M. (2010) Practicing Intersectionality in Sociological Research: A Critical Analysis of Inclusions, Interactions, and Institutions in the Study of Inequalities. *Sociological Theory*. Vol. 28. No. 2. P. 129–149. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2010.01370.x>

Crenshaw K. (1991) Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color. *Stanford Law Review*. Vol. 43. No. 6. P. 1241–1299. DOI: <https://doi.org/10.2307/1229039>

Esnard T., Cobb-Roberts D. (2018) Comparative Intersectionality: An Intra-Categorical Approach. In: *Black Women, Academe, and the Tenure Process in the United States and the Caribbean*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-89686-1_5

Harnois C. E. (2014) Are Perceptions of Discrimination Unidimensional, Oppositional, or Intersectional? Examining the Relationship among Perceived Racial–Ethnic-, Gender-, and Age-Based Discrimination. *Sociological Perspectives*. Vol. 57. No. 4. P. 470–487. DOI: <https://doi.org/10.1177/0731121414543028>

Hogan R. (2001) Class, Race and Gender Inequality. *Race, Gender & Class*. Vol. 8. No. 2. P. 61–93.

McCall L. (2005) The Complexity of Intersectionality. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 30. No. 3. P. 1771–1800. DOI: <http://dx.doi.org/10.1086/426800>

Mountz A., Mohan S. S. (2022) Human Migration in a New Era of Mobility: Intersectional and Transnational Approaches. *Global Social Challenges Journal*. Vol. 1. No. 1. P. 59–75. DOI: <https://doi.org/10.1332/RFXW5601>

Murgatroyd L. (1982) Gender and Occupational Stratification. *Sociological Review*. Vol. 30. No. 4. P. 574–602.

Peterson S.V. (2005) How (the Meaning of) Gender Matters in Political Economy. *New Political Economy*. Vol. 10. No. 4. P. 499–521. DOI: <https://doi.org/10.1080/13563460500344468>

Rennes J. (2012) Gender Relations at the Intersection of Race, Class, and Age: Gender Studies and Debates in France in the First Decade of the Twenty-first Century. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 3. No. 3. P. 143–162.

Shadrina A. (2022) Enacting the Babushka: Older Russian Women “Doing” Age, Gender and Class by Accepting the Role of a Stoic Carer. *Ageing and Society*. Vol. 44. No. 2. P. 457–474. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X2200037X>

Stanworth M. (1984) Women and Class Analysis: A Reply to John Goldthorpe. *Sociology*. Vol. 18. No. 2. P. 159–170. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038584018002001>

Valocchi S. (2005) Not Yet Queer Enough: The Lessons of Queer Theory for the Sociology of Gender and Sexuality. *Gender and Society*. Vol. 19. No. 6. P. 750–770. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891243205280294>

Yuval-Davis N. (2011) *The Politics of Belonging. Intersectional Contestations*. London: Sage. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446251041>

Сведения об авторах:

Жесько Элла Михайловна — магистр социологии, стажер-исследователь, Центр фундаментальной социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** ezhesko@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 1152667; **ORCID ID:** 0000-0003-4949-3646; **ResearcherID:** AEN-9527-2022.

Петрухин Леонид Николаевич — магистр социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** petruhinleonid@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 14.02.2024

Принята к публикации: 05.06.2024

БАК: 5.4.4

**Intersectional Approach in Social Inequality Research:
Group Project**

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.6

Ella M. Zhesko HSE University, Moscow, Russia
E-mail: ezhesko@hse.ru

Leonid N. Petrukhin HSE University, Moscow, Russia
E-mail: petruhinleonid@gmail.com

This article represents the results of an educational project aimed at testing the possibilities of an intersectional approach to describe the matrix of social inequality in the Russian context. Through an analysis of the narratives of eight informants

belonging to potentially discriminated groups, the authors attempted to trace the connection between multidirectional vectors of discrimination in their life experiences. As a result, the boundaries of applicability of intersectional analysis were outlined, its methodological advantages and disadvantages were indicated, research reflection on the experience of using the concept was given, as well as recommendations for the further development of the educational project.

Comparing the results of the work of colleagues, the authors came to the conclusion that the picture of a complex interweaving of hierarchy mechanisms in the cases considered often represented an "interlacement" of a key parameter of discrimination with a number of secondary ones, which created a complex, individualized pattern of stratification, deepened in the context of a specific social situation.

A significant limitation of the intersectional approach is its dependence on context. The applicability of a structured interview for the implementation of this task within the framework of an intersectional approach also seems problematic. The authors of the reviewed texts analyzed the experience of one or two informants which is not enough to draw conclusions about the systemic nature of the detected problems. A larger sample of works should be used or other methods should be used, such as deepening existing information through the use of biographical interviews.

This article presents the results of a group educational project conducted with the participation of a team of authors on the initiative of Elena Yuryevna Rozhdestvenskaya as part of the course "Biographical Method in Sociology" of the master's program "Complex Social Analysis" of the Higher School of Economics.

Keywords: intersectional approach; educational project; disabilities; third age; gender identity; religious identity

Authors Bio:

Ella M. Zhesko — MA in Sociology, Trainee Researcher, Centre for Fundamental Sociology, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** ezhesko@hse.ru.
RSCI Author ID: 1152667; **ORCID ID:** 0000-0003-4949-3646; **ResearcherID:** AEN-9527-2022.

Leonid N. Petrukhin — MA in Sociology, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** etruhinleonid@gmail.com.

Received: 14.02.2024

Accepted: 05.06.2024